

Всё оставшееся поправимо



51

*Вера
Артыкина*

НОВЫЙ ГОД

Ярко вспыхнула звёздная бездна,
вздрагнул в норах схороненный крот,
и в заплёванных наших подъездах
оживился бедовый народ.
И хлопочет, и варит, и тащит
сотни тонн и питья, и еды...
В долгий ящик забито по хрящам
ожиданье войны и беды.

В пробке

Эти пробки на дорогах,
эти белые сугробы,
эти Лёшенька и Тима,
эти Коля и Павлуша
на мою упали душу.
Жизнь моя нелегитимна.

Ни проехать, ни вздохнуть,
ни обнять кого-нибудь...

Сдаст кондуктор сдачу с сотки?
Серафим глядит с высоты.
У него глаза как блюдца,
крылья за спиной не гнутся,
слёзы звякают – не льются,
не замёрзла только водка.

И ни пасть, и ни вспорхнуть,
ни помочь кому-нибудь...

Я читаю полпути –
может книжки не хватить.
Булькает в котле топор
кашу варят с ним на спор
Достоевский с графом t
у Пелевина в горсти.

Ни моргнуть, ни ускользнуть,
ни убить кого-нибудь...

Государство хочет пива –
в голове с утра петарды,
а в кармане миллиарды –
их в ларьке не разменять.
Жажда монстра негасима.
Хуже только Хиросима.

Есть ли кто-нибудь счастливый?
Я б хотела мерку снять.

Январь в Гоа

Гоанка в зелёном – как штрих этой пальмовой рощи.
На родине – клёны, но в пальмах значительно проще.
Сверкает песок золотой, Аравийское море,
смеётся волна и полощет моё домотканое горе...
Пусть ждёт материк с неподъёмною жизнью и снежной,
но завтра – ещё океан! И он будет лазурный и нежный.

*

Вот и всё, прощай, мой Гоа.
Сожаленья – никакого –
на прощанье я совру.
Просто лягу и – умру!

*

Я лечу над океаном.
У меня на сердце рана.
Я вчера с одним гоаном...
В общем, долго объяснять!
(Сговорились по дорогам
мы всю ночь гонять на байке,
но ведь я почти что дома,
а меня он будет ждать.)

*

Под кокосовую пальмой
бугенвиллия цветёт.
В час заката всё печальной,
мон ами напрасно ждёт...
Знала я о том, конечно, –
я придумала сюжет:
ждать меня он станет вечно.
А реально или нет,
это, в общем, безразлично...
И коварный, неприличный,
мой расчётливый обман
понимает океан.

*

Недружелюбный воздух касается лица.
А колесу сансары, известно, нет конца.
Сегодня на работу, и завтра, и потом.
И дом со мной не ласков, и день стоит с кнутом.
Обычная морока – она известна всем...
И здесь никто не спросит: «Чего желает мэз?»
Никто не улыбнётся лишь только потому,
что видит человека – и радостно ему!
Нам чужероден этот счастливый интерес –
засим суров и тяжек российской жизни крест.

Де Грие?

О несчастьях кавалера де Грие
почитаю снова – на закате.
Мне стрелы любовной острие
ныне не проколет даже платье.

Стала ль жизнь от этого милей?
Стало ль грустно в опустевшем зале?
Не жалея красотку, не жалея,
что б тебе о ней ни рассказали.

Кавалер, мечтавший навсегда
заключить Манон в свои объятия,
не учёл, что женщина – вода...
Видишь, как струюсь к тебе сквозь платье?

* * *

Есть жизни медленный распах,
несущий мудрость или страх
и – оползень неумолимый...

Не наживайся на друзьях.
Любовь бывает только в снах.
Всё остальное – поправимо.

Чайная церемония

В чашке чая растворяю соль,
для гармонии, не по ошибке,
и прошу, меня ты не неволь
о потерях плакать, скрипка...

Сколько неба в комнате моей,
так бы и взлетела по привычке,
здесь этаж последний. И ей-ей,
ты зачем своим смычком – о личном?

В чашке чая раскололся чай.
Так оно всегда – с Чаконой Баха.
Я прошу: не мучай, не спасай,
я уже не разумею страха.

Куда нам плыть?

Плывёт Ковчег без Ноева завета,
в нём только двое, это я и сын.
И пристань есть, но там разбито лето,
а из людей не выжил ни один.

Куда нам плыть, вопрос не слишком важный,
а плыть и плыть бы сладко целый век.
Но скоро пересесть в корабль бумажный
нам предстоит – уже горит Ковчег.

Уже прошли Летучие Голландцы,
а море всё бескрайне за бортом.
На родине мы были б иностранцы,
но мы давно без родины живём.

Живём давно между водой и болью,
наверно, потому горчит еда.
Вечерний воздух остро пахнет солью,
над ним – непутеводная звезда...

Гори, гори, ты всё-таки красива!
Какая-никакая – а звезда.
Мы под тобой не счастливы, но живы,
мы помним сад и смех, и поезда,
и за окном в светлейшем платье сливу.
Гори, ты так прекрасна и блудлива,
гори, мы благодарны, непугливы,
мы и тебя запомним навсегда.

Медитации

1

В нелинейном и странном сюжете
жизнь моя лишь глава или часть,
где неявна глубинная связь,
а черты на фамильном портрете
лишь намёк на невстречу с родным.
И горчат, как Отечества дым.

Что родным оказалось на свете?
Тепловозный гудок за окном
в середине лихого столетья.
А роднее должны бы стать дети...
Ничего я не знаю о нём –
нелинейном и странном сюжете!

2

Спрятана, словно во сне, я в этой квартире.
Нет никого-ничего у меня, даже кота.
Я это я, или моё присутствие в мире?
Ни то, ни это, и третья догадка – не та...

Я состояние, или точней – пребыванье.
Думать об этом нельзя, потому что спугнёшь.
Только понятно – оно далеко от отчаяния.
Неизречённое – это, известно, не ложь.

3

То ли жизни круговерть
оставляет понемногу,
то ли осень, то ли смерть
встречь выходит на дорогу.

То ли голос, то ли вой,
то ли это просто ветер
с помертвевшею листвою...
Или звук совсем иной
из непрожитых столетий?

Или не осталось мне
шума доброго, родного?
Дерево стоит в огне –
как сияющее Слово...

Отойди, не обожгись,
с ним оставь меня навеки,
лихоманка, дура, жизнь!
Тут текут другие реки.

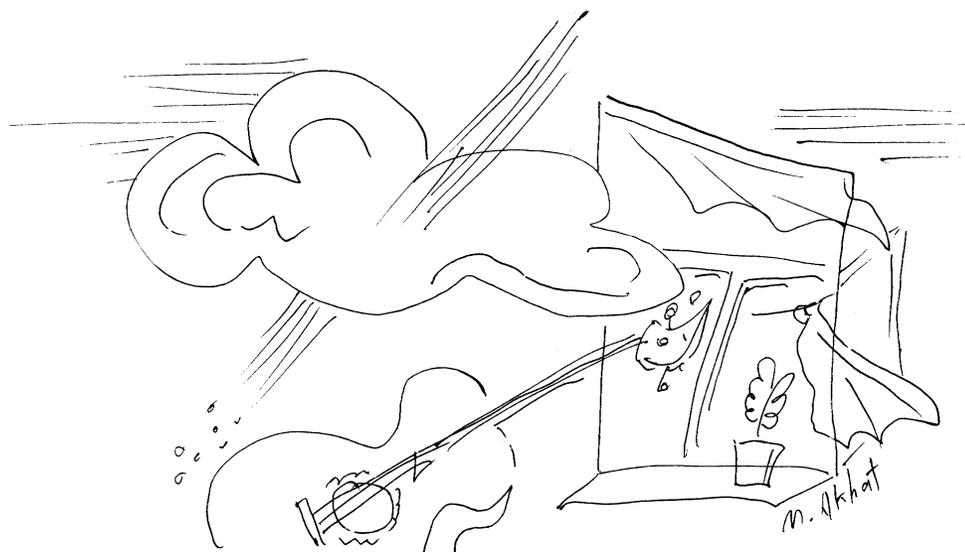
Видно всё

Видно всё: по дороге ползёт «шевроле»,
как жучок беззащитный на бескрайнем столе.
Видно всё: твои чувства, как пули в стволе,
что хотел и что сделал на этой земле.

Можно песенки петь, можно горько рыдать,
можно в небо глазеть, надрываться в трудах...

Пассажирам – дремать, а шофёру – везти.
Потому одного не бывает пути.
Да и время – его не удержишь в горсти,
и кому-то уже край стола, и – прости!

И прости, и прими, и пойми его, Бог.
Больше он не сумел, или ты не помог.



Грудная жаба

Ныне Господь, как и присно, привычную выслал нам кару.
Мы притерпелись к ней. Так, может быть, даже лучше.
Спрячем в шкатулку от дома ненужный нам ключик.
Ну-ка, сыночек, дружок мой, возьми-ка гитару,
да и сыграй, что умеешь, а сложному позже научат.

Очень возможно, что я доживу, ты сыграешь фламенко.
Не доживу – ты, возможно, его не сыграешь.
Форточку – встань и закрой, там погода сырая.
Холодом тянет и вонью ночных экскрементов.
Из этих просьб обязательна только вторая.

Снова в груди ожила квартирантка, слепая жилица.
И не заснёт, хоть горстями скорми ей таблетки.
Осень за окнами, кончилось враз суматошное лето.
Все до одной нас покинули глупые птицы.
Голое дерево пялится ввысь, как вчерашнее кредо.

Ну, ничего, ничего, не грусти, ведь ещё не поминки.
Завтра дорога опять, а она как девчонка шальная,
ей всё равно – я здоровая или больная.
Снова педали крутить, для того и купила ботинки.
Чтобы по жизни шагать, а не выйдет – до края и рая.

Путь недалёк – не откажут, небось, мне в небесной прописке...
И перестану, бомжонок, я быть твоей мамой-бомжицей.
Чтоб не проспал, снаряжу под окно голосистую птицу.
Ты не заметил, что небо сегодня висит удивительно низко?
Это к дождю. А под дождь удивительно спится!

* * *

И когда мы хороним нам самых любимых и близких,
и когда рассказать невозможно, какая больней из потерь,
прокатись, колесо, по растресканным огненным числам,
чтобы я их забыла – я же много забыла теперь...

Этот жив, только мёртв, этот пьян, этот болен, а этот неистов,
льётся мгла изменённых умов – не вдыхай этот яд.
Не живи слишком долго, минуешь убийственных истин
молодой, торжествующий, наглый, убогий парад.

Уходи, уходи, уходи со своим поколеньем,
как уходят от смерти – не смерти, а хуже неё.
Но сначала займись удивительным этим деленьем:
кто ж такое оно – поколенье родное твоё.

В Зурбагане и Лиссе найдёшь, а в Содоме едва ли,
и в конторе, полвека родной, отыщи полдуши,
не забудь, будь так добр – кто единожды только солгали,
кто предали единожды – пусть подрастут малыши.

Пошутила, наверное, я, но с какой безнадёги!
А сегодня шутить и смеяться хочу я до слёз...
Путь тернист по корявой и пыльной дороге,
Под холодными искрами где-то пылающих звёзд.

Свобода

У неё ни дна нет и ни брода.
Солнце ледяное у неё.
Эта девка с именем Свобода
не щадит ни ваше, ни моё.

Потому её бескрайни воды,
чтоб нигде не провести черту.
Если тронет ветерок свободы –
птицы погибают на лету.

На воде ли, в поле одичалом,
упадёшь – она перешагнёт.
Ни вернуть, ни сбросить, ни причалить,
ни узнать – себя, страну, народ.

Не любой смельчак её попутчик...
Только тот, кто дружит с головой,
только самый сильный, самый лучший,
и боюсь я, право, за него.

* * *

То ледников, то барханов мне снятся пустыни.
То голубей прямо в небе и с рук я кормлю, а на деле
все устремленья мои, и дела, и усилья – пустые,
и ломота от работы покоя не даст ни душе и ни телу.
Брёвнами катятся ночи и дни надо мной, и недели...

Ни у себя, ни у Господа я не спрошу: а за что мне такое?
И для чего – не спрошу. Вон Сизиф и Иов не такое терпели.
Старенький Лир, ты не миф, ты сыграй на свирели!
Ах, ничего, что одна пустота у тебя под рукою, –
вспомни, как дочери спали в своих колыбелях,

вот и очнётся, послышится музыка с неба...
Было ведь, было, а значит, трагедии тоже не вечны.
Где-то витают в природе, как запах домашнего хлеба,
запахи дома, семьи возле старенькой печки...
И ничего, что всё отнято, кроме рифмованной речи.

Хоть бы и мимо, а катится в «лексусах» мир бесконечный.
Хоть и не слышит никто, а неси, как в котомке, весомое слово.
Близится, близится путь ослепительный, Млечный.
Слышишь ли, Господи? Хватит уже. Твоё чадо готово:
видишь, терпимый какой, терпеливый идёт человек?

Прогулка

Быть или не быть – уже не мой вопрос.
Любить, летать – мой сон всегда к услугам...
Иду под солнцем с ненадёжным другом.
А миг мучения быльём зарос.

Зарос, как тёмный пруд ровнёхонькою ряской.
Доверчиво шагну – и в омут с головой!
А друг, он не поймёт мгновенной этой встряски,
поскольку он идёт с собой, хотя со мной.

Питаемся огнём своих четверостиший,
снаружи мы друзья, поэты мы внутри.
Идём и не спешим, – два равно третьих лишних,
с какой бы стороны на нас не посмотри.

Застынет миг весны – и будет на гравюре
листва не трепетать, и не звенеть трамвай.
Де-факто мы умрём, но живы мы де-юре,
Смотри в лицо любви, прощайся и прощай.

На исходе осени

Старый год и юный век.
Хрусткой солью выпал снег.
Сад солёный, свет слоёный,
солнечный и ледяной...
век-младенец с сединой,
час жестокий и сквозной,
первым снегом убелённый.

В переулке лай собак.
Бродит осень натошак,
выворачивает душу.
Что останется со мной?
Календарь перекидной,
лист осенний расписной,
лай, – не любо, а послушай.

И твоя проходит жизнь.
Хоть за что-нибудь держись!
За грядущий звёздный час,
за усталый стук в вагоне,
за улыбку на перроне,
хоть за сон, хоть за бессонье,
за тепло, что Бог не даст.

Ода свободе

Не захлебнуться б нежностью зимы,
и этой тьмы,
и одинокой ночи.
Когда выходит узник из тюрьмы,
чего он хочет?..

Меж будущим и прошлым – двух пустот:
невозвратимой и невероятной,
улыбка перекашивает рот,
а он идёт, и дай-то Бог уйдёт
от непривычки улыбаться внятно.

Да что с того, что больше нет зубов,
и что лицо изрезали морщины?
Есть путь и одинокий звук шагов.
Нет денег, дома нет и нет оков,
не улыбаться тоже нет причины.